

Анафора vs. дейксис: дискурсивный аспект временной референции в испанском языке

Е.Н. Ивкина
(Россия)

El artículo tiene por objeto poner de relieve uno de los aspectos más importantes de la referencia temporal en la lengua española: la elección entre el procedimiento deíctico y el anafórico al presentar la característica temporal básica de una acción o situación. Se destaca el papel de tales factores como el foco de la narración y la cohesión del texto.

В данной статье мы исходим из гипотезы, изложенной в наших предыдущих работах (Ивкина, 2001; Ивкина, 2009): временная референция в испанском языке (так же как и в русском) имеет в основе три понятийные (семантические) категории, называемые в функциональной лингвистике категориями временной локализованности/ нелокализованности (далее Л/НЛ), темпоральности и таксиса. Между упомянутыми категориями, участвующими в выражении внешнего времени действий, существуют иерархические отношения.

«Высшей», наиболее независимой из трех рассматриваемых нами категорий является категория Л/НЛ, определяющая возможность реализации категорий темпоральности и таксиса. Темпоральность (временной дейксис), в свою очередь, создает условия для реализации категории таксиса (временной анафоры).

Механизм временной референции включает операции по определению базисной природы ситуации, которые, как было показано в работе (Ивкина, 2001), можно представить в виде системы семантических фреймов, и выбор способа указания (дейктического или анафорического), от которого зависит выбор того или иного фрейма.

В данной работе мы остановимся на одном из факторов, определяющих выбор способа указания. Чем же он обусловлен? Одну и ту же ситуацию можно представить саму по себе, без соотнесения с другими событиями на линии времени (и тогда выбирается общевременное или дейктическое указание), или соотнести ее с каким-то другим моментом на временной оси (в этом случае говорящий прибегает к анафорическому указанию). При анафорическом указании одно и то же действие может предшествовать, следовать или быть одновременным различным связанным с ним событиям. Как выбирается промежуточная точка отсчета? На наш взгляд, объяснение необходимо искать, во-первых, в «распределении ролей» между событиями, составляющими предмет повествования, в установлении их дискурсивного статуса: какие из них являются фокусом повествования, продвигают его вперед, а какие оказываются фоновыми. Представляется, что такое распределение зависит не только от воли говорящего, но и от традиций, сложившихся в том или ином варианте дискурса (особенно в нарративе). Например, как отмечает Рябцева, «главное свойство дейксиса – и не только темпорального – акцентировать внимание на присутствующем в данное время и в данном месте объекте, выделить его из фона» (Рябцева, 1997, с. 93).

Н.Б. Телин выделяет события переднего плана (означающих изменение состояния), событий актуального фона (длящихся процессов, лишь соотнесенных

с изменением состояния и рассматриваемых не в целостности, а в одной из их частей) и событий неактуального фона (не подразумевающих соотносительности с изменением состояния, например, хабитуальных и вневременных) (Телин, 1998). Интерпретация хода событий осуществляется с помощью накопленных и скоординированных знаний, базирующихся на прошлом опыте (в широком смысле) и оценке существующей ситуации (Там же).

Основными понятиями, связанными с дискурсивными факторами являются интенциональный горизонт, фокус, внимание. Интенциональность говорящего направлена на пересказ определенного эпизода. Говорящий определяет тот момент во временном континууме, с которого начнется повествование. Эта начальная точка есть установление фокуса, на котором и он сам сосредотачивает свое внимание, и «предлагает» сделать это адресату. Фокус затем передвигается по цепочке, которую составляет последовательность, основные действия (ситуации). Временная референция этих действий образует основные вехи повествования. Фокус повествования перемещается в соответствии с реальной хронологией событий (дейксис), которая в отдельных эпизодах нарушается (анафора).

В.А. Плунгян подчеркивает, что в русском языке временная референция учитывает дискурсивный статус видовременных форм. Автор отмечает особую сложность русской аспектуальной системы ввиду отсутствия высоко специализированных грамматических средств маркирования дискурсивного статуса и необходимости сочетания дискурсивных и недискурсивных правил употребления глагольных форм (Плунгян, 2004, с. 408 – 409).

В испанском языке, напротив, имеются специализированные грамматические средства маркирования дискурсивного статуса: например, предпрошедшее (плюсквамперфект), сопутствующее прошедшему (имперфект), постпрошедшее (формы кондиционала во временном значении).

Однако далеко не всегда именно момент установления фокуса становится первым в изложении. Повествование может начинаться с описания фоновых, сопутствующих действий или состояний, т.е. форма, употребленная анафорически, может предшествовать форме, представляющей собой точку отсчета, и в этом случае мы имеем дело с разновидностью анафоры – антиципацией или катафорическим указанием, «при котором элемент с отсылающим значением является линейно предшествующим» (БЭС Языкознание, 1998, с. 32).

Так, катафорой начинается одна из глав романа А. Переса Реверте «Кожа для барабана»:

Los focos que iluminaban la catedral creaban un espacio irreal entre noche y luz. (...) Aquél era un decorado único, irrepetible. Un escenario perfecto. Sobre todo cuando Macarena Bruner anduvo por él unos pasos para detenerse bajo la enorme farola central de la plaza, y se quedó allí, inmóvil contra la claridad dorada de la piedra y los proyectores de luz (Pérez-Reverte, 1998, p. 331).

Фокус повествования в данном примере представлен предикатами *anduvo* и *se quedó*, в то время как действия, обозначенные как *iluminaban*, *creaban*, *era*, являются фоновыми и сориентированы относительно фокуса, несмотря на то, что в тексте линейно ему предшествуют.

Другой случай катафоры в начале повествования – «интродуктивный» плюсквамперфект (см., например, Плунгян 2004, с. 407) – он дает информацию о событиях, предшествующих эпизоду, который находится в фокусе внимания. Например, начало четвертой главы в романе Г. Торренте Бальестера «Crónica del rey pasmado»:

Marfisa había escuchado adormilada, aunque complacida, los cantos de la hora tercia. Se arrodillaba, se levantaba, se sentaba mecánicamente, obediente a los martillazos que la madre abadesa daba en la madera de su sitial para indicar la postura que pedía la oración: miraba lo que hacían las otras monjas, y las seguía. Cuando terminó el rezo, formó en una de las filas, y al cabo de un rato de recorrer los claustros, se halló en ellos sola. Entonces buscó su celda. Al abrirla, vio a un caballero vestido de negro que inmediatamente se levantó (Torrente Ballester, 1997, p. 173).

В приведенном примере форма *había escuchado* сориентирована относительно фокуса, изначально установленного действием *terminó* и далее образующего цепочку *formó – se halló – buscó – vio – se levantó*. Что касается действий *se arrodillaba, se levantaba, se sentaba, daba, pedía, miraba, seguía*, они являются фоновыми, но не для фокуса повествования, а для действия *había escuchado*: формы имперфекта анафорически указывают на одновременность относительно данной точки отсчета.

Также может быть совершен короткий «экскурс в будущее», описывающий события, которые произойдут позднее (иногда значительно позднее) тех, которые составляют данный конкретный эпизод. Вспомним, как начинается роман Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества»:

() Muchos años después, frente al pelotón de fusilamiento, el coronel Aureliano Buendía había de recordar aquella tarde remota en que su padre lo llevó a conocer el hielo. Macondo era, entonces una aldea de veinte casas de barro y cañabrava construidas a la orilla de un río de aguas diáfanas que se precipitaban por un lecho de piedras pulidas, blancas y enormes como huevos prehistóricos (García Márquez, 1980, p. 33).

Фокус повествования устанавливается на моменте, обозначенном лексическим индикатором *aquella tarde* и предикатом *llevó*. Исходному фокусу линейно предшествуют элементы *muchos años después* и *había de recordar*, которые отсылают в далекое будущее, задавая перспективу истории. Вместе с тем далее в тексте используются анафорические элементы *era, entonces, se precipitaban*, указывающие на одновременность установленному фокусу повествования.

Итак, все три представленные выше способа приступить к повествованию не с начальной точки установления фокуса представляют собой катафору (разновидность анафоры), при которой промежуточный момент ориентации линейно следует за сориентированным на него моментом.

Следует отметить, что любое анафорическое указание нарушает линейность повествования. Так, в следующем примере автор оставляет фокус повествования в момент, когда персонаж, осматривая Макондо после проливных дождей, изумляется стойкости, с какой арабы-торговцы пережили стихийное бедствие, и обращается к предшествующим событиям (все они, вне зависимости от удаленности от фокуса повествования, обозначены плюсквамперфектом), а затем

вновь подхватывает нить повествования, возвращаясь к прежнему фокусу (действия *fue, volvió, encontró*):

Petra Cotes era tal vez el único nativo que tenía el corazón de árabe. Había visto los últimos destrozos de sus establos y caballerizas arrastrados por la tormenta, pero había logrado mantener la casa en pie. En el último año, le había mandado recados apremiantes a Aureliano Segundo, y éste le había contestado que ignoraba cuándo volvería a su casa, pero que en todo caso llevaría un cajón de monedas de oro para empedrar el dormitorio. Entonces ella había escarbado en su corazón, buscando la fuerza que le permitiera sobrevivir a la desgracia, y había encontrado una raba reflexiva y justa, con la cual había jurado restaurar la fortuna despilfarrada por el amante y acabada de exterminar por el diluvio. Fue una decisión tan inquebrantable, que Aureliano Segundo volvió a su casa ocho meses después de su último recado, y la encontró verde, desgñada, con los párpados hundidos y la piel escarchada por la sarna, pero estaba escribiendo números en pedacitos de papel, para hacer una rifa (García Márquez, 1980, p. 320).

Формы имперфекта *era* и *estaba escribiendo* указывают на одновременность фокусу повествования, при этом имперфект *ignoraba* в «ретроспективном» фрагменте передает одновременность действию *había contestado*, относительно которого представлены как последующие действия *volvería* и *llevaría*.

Описанные выше примеры могут быть иллюстрацией того, как обеспечивается когезия (связность текста). Когезия понимается нами как «формально-грамматическая связанность дискурса, определяемая различными типами языковых отношений между предложениями, составляющими текст, или высказываниями в дискурсе» (Макаров, 2003, с.195). Трудно переоценить роль лексических и грамматических индикаторов времени в обеспечении темпорального континуума текста. Однако, как отмечает Золотова, «в тексте логика *развития* сюжета диктует последовательную сменяемость действий и положений. Логика *представления* сюжета, с возвратами в текстовое прошлое и пред-знанием будущего, определяется тактикой рассказчика» (Золотова 2002, с. 12).

Полагаем, что важными средствами когезии временного характера являются языковые средства выражения базовых смыслов временной референции, содержащих анафорическое указание (лексические индикаторы, временные формы). Анафора отмечалась рядом ученых как одно из важнейших средств обеспечения связности текста, при этом экспликация проводилась на материале имен, именных групп и местоимений (см., например, работу (Палек, 1978), автор которой, впрочем, вместо термина «анафора» предпочитает использовать его эквивалент «кросс-референция», понимая данное явление следующим образом: «нечто, некоторое языковое выражение отсылает к чему-то другому, к какому-то другому выражению»).

Связность текста обеспечивается фактором линейности в цепочке основных действий, по которой передвигается фокус внимания, и анафорическими указаниями на действия, обращение внимания к которым нарушает линейность. При этом время действий, которые составляют основную «линию» повествования и на которых фокусируется внимание говорящего, всегда указывается дейктически.

Таким образом, континуум в текстовом воспроизведении разбивается на отдельные эпизоды, которые воспринимаются как единый процесс благодаря

наличие категории когезии: «по существу континуум как грамматическая категория текста – это синтез когезии и прерывности» (Гальперин, 1981, с. 92). Проведенный анализ показал, что прерывность временного континуума в тексте осуществляется главным образом при помощи «скачков во времени» относительно фокуса повествования (ретроспекция и проспекция), а когезия обеспечивается линейностью изложения (последовательным перемещением дейктически заданного фокуса повествования) и анафорическими процедурами, увязывающими «отклонения» с основной линией.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. GARCIA MARQUEZ, G., 1980: Cien años de soledad. – Moscú: Editorial Progreso.
2. PÉREZ REVERTE, A., 1998: La piel del tambor.- Madrid: Alfaguara S.A.
3. TORRENTE BALLESTER, G., 1997: Crónica del rey pasmado.- Barcelona: Editorial Planeta S.A..
4. БЭС ЯЗЫКОЗНАНИЕ, 1998: Языкознание. Большой энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцева.- 2 изд.- М.: Большая Российская энциклопедия.
5. ГАЛЬПЕРИН И.Р., 1981: Текст как объект лингвистического исследования – М.: Наука.
6. ЗОЛотова, Г.А., 2002: Категории времени и вида с точки зрения текста. Вопросы языкознания.- 2002.- № 3.- С. 8-29.
7. ИВКИНА, Е.Н., 2001: Глубинный механизм референции внешнего времени финитными формами глагола в сложноподчиненных предложениях в испанском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05/ Иркут. гос. лингв. ун-т.- Иркутск.
8. ИВКИНА, Е.Н., 2009: Типологический аспект временной референции (на материале русского и испанского языков). Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та, № № № 2 (6), 2009 . – С. 21-28
9. МАКАРОВ, М.Л., 2003: Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис».
10. ПАЛЕК, Б., 1978: Кросс-референция: к вопросу о гиперсинтаксисе. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8 (Лингвистика текста). М.: Прогресс- С. 243-258.
11. ПЛУНГЯН, В.А., 2004: К дискурсивному описанию аспектуальных показателей. Типологические обоснования в грамматике.- М.: Знак – С. 390-411.
12. РЯБЦЕВА, Н.К., 1997: Аксиологические модели времени. Логический анализ языка. Язык и время– М.: Издательство «Индиго» - С. 78-95.
13. ТЕЛИН, Н.Б., 1998: Познание, перспектива и метафора времени. Типология вида: проблемы, поиски, решения. - М.: Школа «Языки русской культуры»,. - С. 430-443.